

Друзья из берлоги

Это было в середине лета. После ходьбы по лесу мы присели передохнуть, и вдруг на поляну к нашему костерку выкатились два медведя-подростка.

От неожиданности медведи поднялись на задние лапы и, пригнувшись, с полминуты нас изучали. Мы испугались: по всем законам на сцене вот-вот должна была появиться медведица. Но вышел из леса человек с палочкой, и обстановка сразу же разрядилась.

— Вы что же, им вроде матери?

— Точнее сказать — опекун...

Пока мы знакомились с одетым в спортивную куртку и резиновые сапоги нынешним «Сергием», медведи обшаривали поляну. Они заламывали кусты, подымали камни, слизывая с них какое-то лакомство, потом исчезали в лесу, и мы не видели их минут двадцать.

— Не тревожитесь?

— Прибегут...

К лесному поселку возвращаемся вместе. Для медведей дорога — сплошная цепь приключений: поймали в луже лягушку, подрались из-за брошенной кем-то тряпицы, отстают, забегают вперед, повисают, как дети, на гибких кустах черемухи, привстав на задние лапы, за чем-то пристально наблюдают...

Весной позапрошлого года зоолог Валентин Пажетнов наблюдал за медвежьей берлогой. Укрытие он сделал в полсотне шагов и хорошо видел: в полдень медведица выходила из логова, грелась на солнце и снова скрывалась. По звукам зоолог определил: в логове два медвежонка. Сделав большой полукруг, медведица скрылась в лесу и больше к берлоге не возвращалась. На руках человека остались два маленьких, с рукавицу, медведя.

Первая встреча с Пажетновым.

Валентин попытался заменить медвежатам мать — выходить их, не отрывая от обычной среды обитания. Задача была непростой. Медвежата ходят за матерью целых два года — перенимают опыт добывать пищу, усваивают, что надо и чего не надо бояться. Воспитание у медведей — наука тонкая, кропотливая. Человек все тайны звериной жизни не знает, и надежды зоолог возлагал на инстинкты.

На третий день общения с медвежатами подтвердился известный закон поведения животных. В раннем возрасте у них проявляется «инстинкт следования». Малыши, еще не ориентируясь в сложном мире, следуют за движущимся объектом, доверяются ему. Происходит признание-запоминание этого объекта, запечатление в памяти, рождается привязанность к нему. В нормальных условиях таким объектом для многих животных является мать. А если это будет не мать? Закон все равно продолжает работать! Утята, вылупившись из яиц под курицей, за курицей и будут следовать, хотя во дворе они позже увидят и утку. Действие этого закона известно многим: чем раньше новорожденные зверь или птица попали в руки, тем больше шансов их приручить.

Как проявилось все это в истории с медвежатами? «Два дня они жили со мной в палатке. Я их кормил молоком, но, кажется, был для них безразличен. На третий день я вышел набрать в ведро снега для чая, и тут медвежата, как по команде, бросились за мной, не обращая внимания на лужи и глубокие лунки в рыхлом снегу».

Два года прошло уже с этой минуты, поведение медведей полностью подтвердило закон привязанности. «Мне помогала работать жена. Но «матерью» для них был я. Испугались — ко мне! Я проявил в лесу к чему-нибудь любопытство — и они тоже. Смена одежды вводит их иногда в заблуждение. Но стоит мне надеть куртку, в которой они признали меня впервые, — спокойствие, преданность и доверие сразу же возвращаются».

Весну, лето и осень растущие звери и человек провели вместе. Каждый день непременно лесная прогулка два-три часа. А время от времени — двухнедельная вылазка. «Потеряв из виду меня, они начинали бегать кругами, все время их расширяя, попадали в конце концов на мой след и тут уж легко находили».

Месяца три (до июля) медвежата вели себя как два маленьких исследователя. Все было им интересно, и они открывали для себя мир, не очень его пугаясь. Летом поведение изменилось. Желание все увидеть и оценить по принципу «опасно — не опасно, съедобно — не съедобно» осталось. Но появилась и осторожность. Изучая новый объект, они теперь в панике убегали и спасались на дереве.

Уже в мае (через месяц после выхода из берлоги) медвежата, получая молоко из бутылки, стали сами подкармливаться молодой травкой. Постепенно они вовсе были сняты с довольствия и кормились тем, что сами находили в лесу.

Обучать добыванию пищи медвежат не пришлось. Наследственная память помогала им безошибочно определять, что для медведя пригодно и что непригодно. Однако важно не только пищу найти, но уметь ее взять.

Вот тут иногда возникала заминка. Простая штука — сунуть морду в гнездо и проглотить яйца, иное дело — пчелиный борт: лакомство рядом, а попробуй-ка взять. Не тотчас медвежата поняли, как надо ловить лягушек, как правильно разрывать муравейники, собирать ягоды. Особенно много хлопот доставил медведям овес. «Попробовали — вкусно!

Легли и стали по зернышку загонять языком в рот. Способ явно неподходящий: за вечер кормежки съели граммов по триста зерна... На четвертый день научились собирать в лапу метелки зерна и скусывать. На пятый наловчились орудовать обеими лапами. К восьмому дню сформировался четкий (одинаковый у обоих) прием, каким «убирают» овес все медведи.

Восемь месяцев жизни рядом с медведем дали зоологу редкие, уникальные наблюдения. Дикая жизнь, обычно скрытая от людей пеленой леса, предстала перед глазами ученого не разрозненными моментами, а вся целиком.

Смысл эксперимента состоял теперь в том, чтобы выяснить, будет ли человек и дальше медведям необходим или, соприкасаясь с ним и доверяя ему, они остались все же животными дикими, способными выжить в природе?

Первый ответ на этот вопрос получен.

«Приближалась зима. Если медведи лягут в берлогу — значит, работа была ненасправной. Если станут жить под боком у меня иждивенцами — значит, надо поставить точку и отдать зверей в зоопарк...»

В ноябре Валентин увел медведей в укрытое место и принялся, как это делала бы медведица, строить берлогу: выбрал под сваленным деревом место, стал носить туда мох, еловые ветки. Медвежата на это занятие не обратили внимания.

«Я сообразил: медведи и не должны строить берлогу, если рядом был человек. Быстро отошел в сторону, и медведи сразу принялись за работу.

28 ноября повалил сильный снег. Медведи укрылись в берлоге, и я уже их не тревожил. Утром услышал: медведи храпят. И тихо ушел».

...Зимовка прошла спокойно. В конце марта медведи выбрались из берлоги. Валентин ждал этого часа. Но звери спросонья его не признали, вскочили на дерево и сидели там целый день. «Я издавал привычные для них звуки, неторопливо пробуждая в медведях воспоминания. Наконец медленно, осторожно они подошли, понюхали куртку. И сразу же успокоились».

Прошла весна. Еще одно лето и осень. Все было как в первый год — ежедневные выходы в лес и долгие трехнедельные путешествия. «У меня была редкая возможность наблюдать, как медвежата превращались во взрослых медведей.

Вырастить во дворе или в доме осиротевшего медвежонка — дело нетрудное. Но вернуть уже взрослого зверя в природу вряд ли кому удавалось. Зверь, не прошедший лесную школу, тянулся опять к человеку. Можно вспомнить много разных историй, как медведи грабили на дорогах прохожих, запускали лапы в кузова к грибникам. Участь таких животных всегда одинакова: цепь или клетка, а чаще выстрел». Вот почему так интересен был опыт зоолога Пажетнова.

С нетерпением он ждал окончания эксперимента. В декабре Валентин написал: «Медведи опять в берлоге. Выбрали место в таком заломе, что трудно было их наблюдать. Легли опять вместе, хотя перед этим очень скандалили. В конце марта жду пробуждения. И сразу начну от них отдаляться.

Я много узнал за два года. Очень привык к этим двум существам. Но я буду счастлив, если однажды они от меня убегут и уже не вернуться».

Конец истории ожиданий не оправдал. Весной стало ясно: один из медведей без человека не проживет, и Валентин пристроил его в зоопарк. Надежда была на другого — он с каждым днем становился все более независимым, диковатым, умело находил пищу и держался в лесу как хозяин. Наступил день, когда Валентин тихо и незаметно ушел с болота, и медведь не прибежал, как было прежде, по его следу. «Я думал: ну вот и счастливый конец. Он будет жить там, где природой ему предназначено жить».

Валентин утвердился в мыслях, что его подопечный хорошо и надежно пристроен, и представлял, как медведь, нагуливая на зиму жир, орудует где-нибудь на овсах, на диких

малинниках. Но вот из прилежащей к заповедному лесу деревни пришло известие: медведь задрал телку. Это насторожило — медведи редко тут нападали на скот. Неделю спустя еще одна новость из той же деревни: медведь во дворе порешил двух овец. «Теперь я уже не сомневался... И когда сообщили: на дороге к деревне медведь гнался за проезжавшим на лошади лесником, я понял: мой долг предупредить большую беду. Что было делать? Взял ружье и, расспросив о повадках медведя, устроил возле деревни засаду...

Можете себе представить, что я пережил. Это был он, мой воспитанник — медведь не дикий и не ручной, не имевший страха перед людьми, не способный к дикой жизни в лесу...»

На этом любой другой человек поставил бы точку.

Вся компания на прогулке.

«Прирученного зверя вернуть в природу невозможно!» Валентин Пажетнов решил на холодную голову вспомнить: а какие он мог в ходе двухлетнего эксперимента сделать ошибки? Ошибки он разглядел. И теперь мы продолжим рассказ о медведях.

За жизнь я повидал много интересных людей — от маршала Жукова до Агафьи Лыковой. С Валентином Сергеевичем Пажетновым мы с первого дня стали друзьями. Редкого обаяния человек! И очень умелый.

В молодости был пастухом — пас лошадей, там же, в Сибири, стал промысловым охотником. В степном краю работал комбайнером и трактористом, зимой был слесарем в мастерской. Окончил институт и стал в заповеднике грамотным зоологом. Может работать плотником, кузнецом. На склоне лет сел описать прожитую жизнь — получилась большая хорошая книга.

Что еще можно сказать о человеке? Жена — друг и помощник, дети по стопам отца пошли. И внуки тоже. В месте, где живет, старушки богу молятся «во здравие Валентина Сергеевича» — в больницу отвезти может, лекарства добудет, огород пришлет вспахать. Я нашел в нем друга, который оказался земляком — дед его жил в маленьком городке Боброве Воронежской области.

Медведей судьба послала Валентину Сергеевичу, когда он стал работать в Центральном лесном заповеднике. Опытный зоолог решил медвежат, которые остались без матери, возвращать в природу.

В прошлый раз я рассказывал о том, как он воспитывал малышей и потерпел неудачу. Но не сдался... «Поразмыслив, я сделал выводы из неудачного эксперимента. Во-первых, как-то надо было сообщить охотникам, что медвежата будут в надежных руках. Выпускать малышей надо в тот же год, когда они лишились матери. И самое главное: выращивать медвежат надо без присутствия людей, звери ни в коем случае не должны получать пищу из рук человека...»

Первый же выпуск по тщательно обдуманной программе оказался удачным. Медвежат в первые недели кормили молоком из бутылочки с соской. Потом им давали овсяную, пшеничную или гречневую кашу с витаминами. Этот корм был очень питательным, и медвежата в «яслях» росли быстро и были здоровыми. Но когда из «яслей-берлоги» их выпускали, еду из каши наполовину сокращали — «пора добывать еду самим». Медвежата ели молодую траву, муравьев, улиток, ловили в пруду лягушек. Но к каше по-прежнему в конце дня прибегали...

В 1985 году в глухом лесу Торопецкого района Тверской области по чертежам Валентина Сергеевича на месте опустевшей деревни Бубоницы создана зообаза «Чистый лес», где медвежат ожидал надежный приют.

Я приехал в Бубоницы в середине лета. Мой друг в это время улетел в Америку по приглашению местных зоологов. «А где же медведи?»

— «Вот там, за прудом, вы их увидите», — сказала дочь Пажетнова Наташа.

За прудом я увидел то, что увидеть можно было только в «Чистом лесу», — по поляне двигалась резвая компания: знакомая мне женщина (Светлана Ивановна Пажетнова), а за ней шесть непоседливых медвежат. Совершалась ежедневная прогулка в лес. Я, спрятавшись за деревьями, сделал несколько снимков (один из них перед вами). И Светлана Ивановна увела жизнерадостную компанию в лес.

А вечером я увидел забавную картину: Светлана, открыв на кухне окно, палила из рогатки мелкой картошкой по медвежатам: «Им не больно, но отступают — нельзя им подходить к кухне...»

Валентин Сергеевич из Америки вернулся воодушевленный: «Известный биолог, уже бывавший в Бубоницах, тоже взялся выпускать черных медвежат, оставшихся без родителей, в природу...»

А на базе в Бубоницах дела с каждым годом идут все лучше. Зимой появляются маленькие медвежата (в отдельные годы их было более двадцати), а в конце лета зверей выпускают на волю. Стараются выпускать там, где жили их родители: в леса Ярославской, Новгородской, Псковской, Тверской, Смоленской областей.

Один раз я попросился на выпуск. Валентин Сергеевич разрешил, и с его сыном Сергеем мы поехали в леса новгородские. Шторки на заднем сиденье машины были опущены. В подходящем месте мы остановились. Я спрятался в кустах, а Сергей открыл дверцы машины. Увы, снимка не получилось. Медвежат как ветром сдуло, и они скрылись в лесу.

В другой раз Валентин Сергеевич позвонил: «Будем выпускать медвежат в брянском лесу». В этот раз я как следует поснимал. Медвежата почему-то не убегали. Всего тут для обогащения обедневшей популяции медведей было выпущено в разные дни четырнадцать медвежат. Теперь в брянских лесах живут медведи, воспитанные в «Чистом лесу».

Всего же с Бубонинской базы в природу вернулось 196 медведей. Сорок лет назад такое представить было невозможно.

«Школа» в тверских лесах — гордость нашей науки. Тут побывали зоологи разных стран: Франции, Германии, Скандинавии, Индии, Кореи и Японии. Едут учиться! Биолог США Джон Бичом жил в Бубонице четыре раза.

Результат налицо. Он вслед за Пажетновым стал возвращать в природу осиротевших малышей и вернул уже более сотни.

Сам Пажетнов побывал во многих странах и всюду был принят как желанный друг.

В последнее время база в Бубоницах берет в зоопарках рожденных медвежат для воспитания и возвращения в природу.

В конце недавней беседы Валентин Сергеевич Пажетнов сказал: «Не забудем упомянуть Леонида Викторовича Крушинского. Возвращать в природу животных — его идея». А Валентина Сергеевича Пажетнова мы с радостью поздравляем с правительственной наградой.